

«Я ЛЮБЛЮ ТРЕВОГУ И ТРЕПЕТ...» о поэзии Софьи Паперной

Стихи Софьи Паперной необычны и талантливы, в них есть свой особый мир. Ритмические верлибры позволяют создавать собственную интонацию. В текстах Софьи присутствует то, что Виктор Шкловский называл «остранением»: её поэзия разрушает стереотипы. Это синтетичный стиль письма, в котором есть всё – и размышление, и красота, и гармония. Софья работает в смешанной технике – реалистичные картинки перемежаются у неё с сюрреалистичными. Как это состыкуется в одном произведении – большая тайна. Возможно, это тайна и для самого автора. Однажды познакомившись с её текстами, вы будете всегда узнавать её творческий почерк. Такова магия подлинного искусства. Обычная бытовая картинка у Софьи Паперной может взорваться неожиданной сюрреалистической метафорой. Например, в ярком портрете бабушки: «В её складках на лбу застряли вырезки из газет».

Обвожу реальность пунктиром –
Вырезаю сердечки и черепки.
В это время бабушка встаёт кормить свои мысли видом из окна.
Она поднимает свою тяжёлую косу и наливает в чайник жёлтую воду.
Ей давно уже не снятся сны.
«Чья ты дочь?..», – думает она.
От тела ничего не осталось, а человек есть.
Душа ушла в пятки, натёртые душиными туфлями.
Она повторяет –
«Здравствуйте, девочки».
Она знает –
Упадёшь к маме под одеяло и уже не вернёшься.
В её шкафу все вилки заржавели по весне.
В её складах на лбу застряли вырезки из газет.
В ушах зазвонело 3 года назад.
Её ноги в тапочках приросли к паркету около кровати.
«Выложи деньги на подоконник в полнолуние!», –
говорит она.
Ох, бабушка, любимая моя бабушка,
Пусть никогда не застынет твой выдох.

В стихах Паперной привлекает свежий взгляд на привычное и каждодневное. Мелкие детали складываются у неё в большие полотна. Стихи Софьи, с одной стороны, социальные, с другой – космичны. Её старики, окружённые детьми и внуками, одиноки перед космосом. Они должны уйти из этого мира, поскольку всё живое на земле подчиняется единому закону, который хорошо сформулировал философ Анаксимандр: «Из каких начал вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности». Для природы это не трагедия, а вот для человека и его родных – большое несчастье. Никому не хочется покидать мир даже в немощи и дряхлости. Тяжело прощаться. Софья Паперная поэтично рассказывает о таком расставании: «Дети приходят, / Смотрят, / Помнят глаза – / Потому что они прощаются. / Дети приходят, / Они говорят: / «Там облака и / Как во сне – / Невозможно моргать».

Мне кажется, Софья нашла свой личный выход из этой драмы. Этот выход – поэзия. Особенно явно это ощущается в мистерии о Сергее Ивановиче. Человек ушёл, но каждый вечер возвращается, окружённый звёздами: «Мороз целует Сергея Ивановича в нос и в щёки красной помадой. / Огромное небо и звёзды разбрасывают по коже маленького Сергея Ивановича дрожащие мурашки. / Сергей Иванович набухает от любви. / Сергей Иванович блестит. / Сергей Иванович счастлив. / Сергей Иванович...». Так пишет о неживом человеке Софья Паперная. На мой взгляд, это стихотворение у неё – одно из самых удачных. Поэту удалось найти трансформирующийся стиль, от очень короткой строки – к максимально длинной, практически прозаической. Но чёткий ритм и повторяющиеся периоды подсказывают нам, что это, безусловно, не проза, а поэзия.

Софья пишет о стариках не ради сострадания. Конечно, она им глубоко сочувствует. «Слёзы – моя одежда», – говорит она. Но это не главное в построенном ею мире. У Паперной порой соединяется «в одном флаконе» несоединимое: сон и полёт, жизнь и смерть. «Вырезаю сердечки и черепки», – говорит Софья. «Плачущий смех. Кислая рябина» – совмещённые противоположности звучат у неё как оксюморон. У Софьи Паперной есть склонность к созданию собственных мифов. Вот что говорит о её стихах известный поэт и культуртрегер, руководитель проекта «Культурная инициатива» Данил Файзов: «Софья Паперная делает именно то, что и должен делать поэт, неважно, признанный мэтр или дебютант, – она не просто произносит слова, но берёт на себя смелость демиурга». И здесь я солидарен с Файзовым – она творит так же, как французский нобелиат Сен-Жон Перс, – смешивая реальную действительность с собственной мифологией.

Стихи Софьи словно бы протестуют против того мнения, что у поэта обязательно должна быть судьба, какие-то экзистенциальные испытания. Нет, это не обязательно – можно писать просто о том, что видишь вокруг. Главное – не о чём, а как. Стихи Паперной – поэзия полутонов. Но их гамма создаёт впечатление предельной жизненной наполненности. Многие стихи у Софьи чётко ритмизованы. «Темно. / Седые пальцы перебирают секунды до рассвета. / Он / Развешивает ноты на ветках / Для ранних птиц. / Пойте! / Слеза оттирает след бабки на полу. / Пальцы перебирают секунды до рассвета. / Он / Ждёт её открытые глаза! / Зеленеют деревья, / Падают звёзды, / Киснет молоко под луной, / Которую ночь / Старик смотрит в небо. – «Время...». / Ты не грусти, старик – говорят птицы. / Твой час мимо тебя не пройдёт!» («Седые пальцы»). В силлаботонике, в отличие от верлибра, многие ритмы изъезжены и затёрты до дыр. Сочинишь что-нибудь хореем или анапестом, а музыка стиха будет напоминать кого-то другого, например, Пушкина, словно ты случайно подсел на чужого конька.

Быт у Софьи Паперной космичен, а её космос – не только внешний, но и внутренний. «Всё во мне, и я во всём», как выразился однажды Фёдор Тютчев. Небо и земля у Софьи зеркально отражают друг друга. «На земле разбрызгано небо», – говорит она, – «Небо застыло. / Земля раскачивается на ветру. / Тут, под облаками и дождями растёт моя жизнь, / А вырастают деревья. / Я рассматриваю вечер: / Улетают птицы и листья, / Возвращается голый ветер. / Иду. / Мои следы превращаются в даль, / Туда уходит день / И хранится с другими днями. / Сквозь ночь я вижу время, которого у меня нет. / Пока я хожу до утра, / Меня провожают секунды, / Тёмные, издалека, / Те, в которых звёзды. / Звёзды и я».

Софьи Паперной удалось, на мой взгляд, сказать новое слово. В её поэтике есть элементы, которых я не встречал у других авторов. Это, например, пространные, иногда из нескольких предложений, заголовки стихотворений, которые выглядят как прамбула или увертюра к основному содержанию. Это своеобразное ноу-хау. Среди художественных троп, которые использует Софья, внимание привлекает «обратная» метафора, когда большее по размеру воздействует на меньшее: «Небо опускается на глаза». Не «глаза смотрят на небо», а наоборот. Мы видим здесь обратную перспективу, о которой говорил Павел Флоренский. У Софьи – интересное образное мышление. Метафоры у неё не отвлекают от повествования. Они – точечные, они – «вкрапления»: «Чей-то голос тянет за уши старика». И, конечно, удивляет в её стихах одновременность жизни и смерти: «Мы похоронили собаку, / Там, / Где ты плакал. / Что теперь будет с улицей? / Зайди за угол, / Видишь место? / Там теперь пусто. / Мы похоронили собаку. / Там, / Где ты плакал, / Мёртвая бабочка, / А может, она спит / И летит». Верлибры Софьи могут иногда, в качестве неожиданности, использовать и рифму, как вишенку на торте.

У Софьи Паперной – высокая культура речи, где присутствуют и вкус, и такт. У неё – душа ребёнка, словно бы родившегося с готовым знанием жизни и смерти. Помните, у Высоцкого есть песня «Я не люблю»? У Софьи есть стихотворение, в котором она, наоборот, рассказывает нам о том, что она любит, о своих пристрастиях. Как бы создавая автопортрет. «Я люблю голос, заблудившейся в эхе...». «Я люблю держать замерзшую руку». «Я люблю окунаться в запах воздуха, оставленного дождём». И, в самом начале стихотворения, она говорит: «Я люблю тревогу и трепет, если вынуть их из меня – останутся кожа да кости». Удивительное для молодой девушки признание! Искренность и талант Софьи Паперной позволяют предполагать, что её ждёт большое будущее.